

УДК 343.2/.7

*Э.Р. Гафурова***К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ГЛ. 16
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье на основании статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации проведен анализ норм главы 16 УК РФ, которые не применяются или применяются крайне редко. В результате анализа сделаны соответствующие выводы неэффективного применения или его отсутствия. Указаны конкретные показатели осужденных за совершение преступлений, предусмотренных гл. 16 УК РФ, в соотношении с общим количеством осужденных в России. Отмечается, что процесс криминализации российского уголовного законодательства преобладает над процессом декриминализации, на это указывает дополнение гл. 16 УК РФ статьями 110.1, 110.2, 116.1, 124.1 и другими. В соответствии с этим предложены возможные пути совершенствования «нерабочих» либо «мертвых» уголовно-правовых норм, подтвержденных судебными статистическими данными о количестве осужденных за период с 2016 г. по первое полугодие 2021 г.

Ключевые слова: уголовное законодательство, уголовно-правовые нормы, «нерабочие» нормы, «мертвые» нормы, декриминализация, криминализация, жизнь и здоровье, преступление, осужденные.

DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-2-341-347

На сегодняшний день российское уголовное законодательство имеет достаточное количество норм, предусматривающих ответственность за совершение общественно-опасных деяний. Однако весьма немалая часть таких уголовно-правовых норм не отличаются степенью своего практического применения, тем самым указывая на то, что они являются «нерабочими» или «мертвыми».

По мнению научного деятеля О. М. Калининой, которая проводила исследование по поиску «мертвых» норм в УК РФ, предусматривающих ответственность за экологические преступления: «установление уголовной ответственности за преступления не вызывается необходимостью в связи с отсутствием фактов их нарушения либо их единичностью». Такие нормативно-правовые регламентации, в свою очередь, не реализуют задачи, закрепленные в ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)» [1. С. 45].

Соглашаясь с мнением автора, отметим, что главы 26 УК РФ [2], содержащие «нерабочие» правовые нормы, не является исключением, поэтому считаем целесообразным исследовать и другую главу УК РФ, в которой аналогичным образом присутствуют, как правило, не применяющиеся или применяющиеся крайне редко уголовно-правовые нормы.

Опасным и крайне нежелательным явлением, в известной мере, неоправданно выступает наличие в уголовном законе «мертвых» норм, вред от которых значительно масштабнее для правоприменителей, чем вред от полного отсутствия правового регулирования. Это одновременно один из наиболее значимых симптомов и результат государственной деградации проведения уголовной политики; неоспоримая причина, противоправное проявление и результат последующего нарушения принципа концентрации уголовной репрессии, обязывающего сосредотачивать меры направления так называемого «уголовно-правового удара» на наиболее важных, социально значимых участках борьбы с возникающими преступными деяниями [5. С. 9].

Такие нормы создают в своей не востребованной совокупности «нормативно-правовой мусор», который, как правило, влечет за собой впоследствии такие неблагоприятные последствия, как:

- неоправданное расширение установленных границ уголовного наказания;
- наполнение и загромождение законодательства излишним содержанием;
- дезориентирование по нормативным вопросам правоприменителя и граждан;
- отвлечение правоохранительных органов от исполнения обязанностей;
- создание дополнительных и излишних трудностей в оценке качества осуществляемой государством политики.

Существование в практической деятельности вышеуказанных неприменяемых норм неизбежно привлекло бы к себе особое внимание ученых-криминалистов, которые занимаются их изучением и принимают попытки выявить причины, особенности их возникновения и дать рекомендации по недопущению проявления подобных ситуаций.

На основании этого ученые правоведы М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин справедливо отмечают в своем исследовании, что все нормы уголовного закона, которые не применяются, разумно подразделять на три основные группы:

1. Нормы, необходимость существования которых не может быть подвергнута сомнению, так как они выполняют главную и важную предупредительную функцию, но не применяются по такой причине, как объективность редкости и эпизодичности совершения указанных в диспозиции этих норм преступных деяний. Относительно группу этих норм возможно именовать «спящие». Их успешная активизация возможна лишь в редких случаях нарушения запрета.

2. Нормы, по своему содержанию необходимые, но не в полной мере социально обусловленные, как правило, имеющие неадекватно минимальные санкции и в силу этого применяемые крайне редко. Ведь такая ситуация, когда «общество видит преступление, но не видит меры наказания за него», считается не менее опасной, чем известная обратная ситуация, при которой общество не видит преступление, а имеет представление только о наказании. Эффективность таких норм признается нулевой или равной эффекту от иных «мертвых норм».

3. Нормы, которые не применяются в связи с субъективными причинами, связанными с просчетами законотворческой либо правоприменительной практики.

Именно такими, собственно говоря, признаются «мертвые нормы». Последние из них, в свою очередь, также являются более чем разносторонними. В зависимости от временных и причинных показателей «смерти» уголовно-правовой нормы, их можно классифицировать на следующие три группы.

Во-первых, это нормы, которые в силу своей объективности необходимы и должны находить широкое применение, однако при всем этом не используются по причине наличия недостатков в правоприменительной практике. По своей сути их можно назвать «искусственно умерщвленными» нормами. Они предусматривают ответственность за преступления, как правило, характеризующиеся высоким показателем искусственной латентности. В данном случае, по нашему мнению, к таковым следует отнести, например, незаконное проведение искусственного прерывания беременности, предусмотренное ст. 123 УК РФ.

Такая малая и невысокая интенсивность применения уголовно-правовых норм может быть обусловлена как недостаточным профессионализмом правоприменителя, так и фактической недоступностью для контроля поведения отдельных категорий лиц, вызванной прежде всего в результате коррупционных действий либо же использованием должностного влияния или покровительства.

Во-вторых, это нормы, которые на соответствующем этапе общественного развития были сориентированы лишь потребностям борьбы с преступностью, поэтому находили свое применение, однако в настоящий момент, в связи с изменениями криминологической (либо социальной, политической, экономической и т. д.) обстановки в стране перестали отвечать требованиям социальной обусловленности и представлять опасность. Указанные нормы можно назвать «естественно-умершими». В действующем уголовном законе их количество невелико, так как период его действия по историческим показателям невелик.

В-третьих, это нормы, которые изначально в момент своего создания и закрепления в УК РФ не могли претендовать на широкое применение, то есть так называемые «мертворожденные» нормы. О таком выделении норм свидетельствуют, как правило, две основные причины:

а) содержание самой нормы, выражающее незнание законодателем объективных потребностей и реальной практики уголовно правовой борьбы с преступностью, слабую криминологическую экспертизу законопроектных предложений, позволяющее оценить эту норму как социально обусловленную, ненужную и лишнюю в законе. Такими правовыми нормами общепринято признавать «нормы-двойники», криминализирующие, как правило, ранее уже признанные и регламентированные как преступные деяния, а также иные нормы, которые приняты исключительно в целях демонстрации при отсутствии реально существующей необходимости в их применении законодательного функционала для разрешения проблемы единовременного характера с действительно заведомым пониманием того, что она в правовых реалиях действовать и применяться не будет;

б) качественное содержание, точность и правильность технического оформления правовой нормы, при котором необходимый объективный запрет конструируется по такому способу, что фактически в действительности лишает правоприменителя возможной потребности не только практически применять, но и адекватно понимать имеющиеся содержание такой нормы [5. С. 8].

По нашему мнению, необходимо уделить внимание главе 16 УК РФ путем анализа содержания уголовно-правовых норм данной главы и статистических показателей, выделить такие нормы, которые не применяются или применяются крайне редко, указать возможные пути их совершенствования в целях дальнейшего перспективного применения.

В данной главе содержится двадцать пять составов, предусматривающих ответственность за совершение преступлений, направленных против жизни и здоровья человека.

Проведем анализ сведений о количестве осужденных за совершение преступных деяний по нормам указанной главы УК РФ. Отмечая данные Судебного департамента о статистике осужденных за первое полугодие 2016 и 2021 года, мы видим, что в основном к наказанию за совершение преступлений против жизни и здоровья были приговорены виновные в умышленном причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью (ст. 111, 112 УК РФ) в количестве: в 2016 г. – 18 040, а в 2021 г. – 12 806 человек [3].

В среднем показатель осужденных за умышленное причинение вреда от общего количества осужденных за январь–июнь 2021 года составил 4,6%, то есть не является высоким.

К применению наказания за иные посягательства на жизнь человека, под которыми понимаются составы преступлений, регламентированные статьями 106-110.2 УК РФ – (убийство матерью новорожденного ребенка; убийство, совершенное в состоянии аффекта; убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление; причинение смерти по неосторожности; доведение до самоубийства и т.д.), – было приговорено в 2016 г. 1 490 виновных, а в первое же полугодие 2021 г. – 585, то есть это 0,21% от общего количества осужденных [3].

При этом некоторые из вышеуказанных норм, а именно нормы, предусмотренные ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и ст. 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» УК РФ, можно рассматривать как нормы, которые являются «мертворожденными» или «двойниками» ст. 110 УК РФ.

Далее обратим внимание на число лиц, признанных виновными в совершении убийства и ином причинении тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью (ст. 105, 113, 114, 117, 118 УК РФ). В 2016 году показатель от общего количества приговоров составил 1,78%, а за первое полугодие 2021 года – 1,74%.

Рассматривая последние имеющиеся судебно-статистические показатели за 2019 год отдельных норм УК РФ, предусматривающих ответственность за причинение легкого вреда здоровью, нанесение побоев, угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, заражение венерической болезнью или ВИЧ-инфекцией и т.д. (ст. 115, 116, 116.1, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 124.1, 125 УК РФ), отметим, что:

– по ст. 115 УК РФ было осуждено 12 044 лиц, что составляет 1,94 % от общего количества осужденных;

– по ст. 116 УК РФ – 640 осужденных, то есть 0,1 % от общего числа;

– по ст. 116.1 УК РФ – 1 386 осужденных, или 0,22 %;

– по ст. 119 УК РФ – 18 830 осужденных, или 3,04 %;

– по ст. 122 УК РФ – 59 осужденных, или 0,01 %;

– по ст. 123 УК РФ – 1 осужденный;

– по ст. 124 УК РФ – 5 осужденных;

– и по ст. 125 УК РФ – 111 осужденных, или 0,02 % [3].

По ст. 120, ст. 121 и ст. 124.1 УК РФ осужденных лиц в 2019 г. не наблюдается.

Исходя из указанных нами статистических показателей, мы видим, что ответственность за составы преступлений, предусмотренные статьями 116, 116.1, 122, 123, и ст. 125 УК РФ, практически не применяется, в целом показательный коэффициент равен 0,36% от общего количества, вынесенных судами приговоров в 2019 году.

Статья 124.1 УК РФ об ответственности за преступные действия, выраженные в воспрепятствовании оказанию медицинской помощи, была введена в действие федеральным законом от 26.07.2019 г. №206-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников» [4], поэтому еще не была реализована на практике правоприменителями в силу своей новизны.

Также разумно и справедливо утверждать, что ст. 120 «Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации», ст. 121 «Заражение венерической болезнью» УК РФ являются «нерабочими», так как с 2016 года количество осужденных по ним вообще отсутствует.

Таким образом, на основании вышеприведенного анализа статистических данных Судебного департамента за последние годы можно сделать неоспоримый вывод о том, что такие нормы гл. 20 УК РФ, как ст. 116, 116.1, 122, 123, 124, 125 отличаются низкой степенью своего применения и в целом могут рассматриваться как «нерабочие», к ним также относятся ст. 120 и ст. 121 УК РФ (см. рис.).

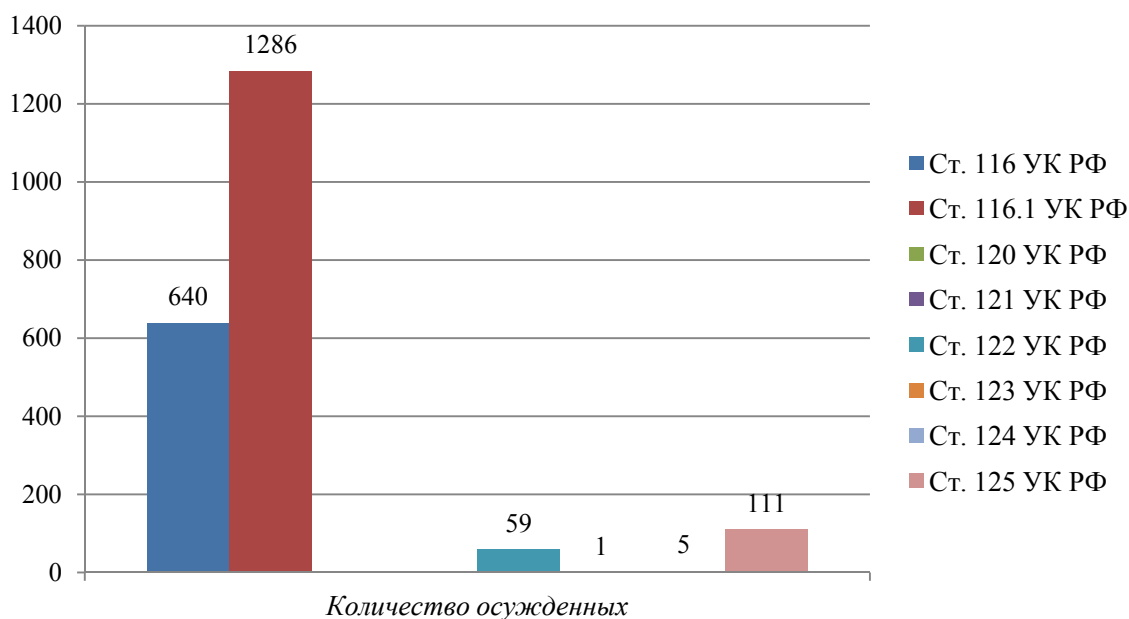

Рис. Статистические данные Судебного департамента о количестве осужденных за 2019 г.

На наш взгляд, целесообразно рассмотреть возможности совершенствования указанных уголовно-правовых норм, предусмотренных гл. 16 УК РФ, а также варианты их декриминализации.

Статья 116 УК РФ в 2016 году уже была декриминализована частично, а также в УК РФ была введена и новая ст. 116.1, которая закрепила ответственность за нанесение побоев лицом, ранее подвергнутым административному наказанию, иначе повторное совершение таких действий преследуется на основании норм уголовного закона.

Однако, как показывает статистика, нормы по-прежнему применяются крайне редко, в целом составы противоправных деяний относятся к разряду административных правонарушений.

Поэтому рационально объединить данные нормы путем декриминализации ст. 116.1 УК РФ и введении ч. 2 в ст. 116 УК РФ. Так уголовное законодательство будет менее объемным и более структурированным и лаконичным.

Данное предложение рекомендуется изложить следующим образом, в виде двух альтернативных составов:

Статья 116. Побой.

1. Побой или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но при этом не повлекшие последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, совершенные из хулиганских побуждений, а равно по мотивам, предусмотренным п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

2. Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ, лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние».

В части наказания за указанные общественно-опасные деяния санкции к статье оставить прежними.

Далее, обращая внимание на ст. 120, 121, 122 и ст. 123 УК РФ, можно заметить, что данные статьи не должны быть подвергнуты исключению из уголовного законодательства, поскольку такие

случаи совершения общественно-опасных деяний имеют место быть и должны преследоваться наказанием виновных лиц, так как совершаются в отношении одного из главных объектов национальной безопасности – жизни и здоровья личности, однако не исключается их декриминализация в разряд административных правонарушений.

Указанные нормы, в соответствии с приведенной классификацией «мертвых» норм, считаются объективно необходимыми и должны в силу этого находить широкое применение, но не используются по причине дефектов правоприменительной практики. Однако их можно именовать «поддельно-умершими» правовыми нормами, поскольку они предусматривают ответственность за преступления, которые характеризуются высоким показательным уровнем искусственной латентности.

Регламентация диспозиции ст. 120 «Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации» УК РФ соответственно тоже имеет определенные недостатки, так как остается открытым вопрос о том, что же наш законодатель понимает под определением такого понятия, как «принуждение». Совершение виновным указного преступного деяния, если, например, это повлекло за собой причинение какого-либо вреда здоровью, по смыслу закона следует квалифицировать по совокупности с соответствующей нормой УК РФ, предусматривающей ответственность за причинение вреда здоровью. Однако под принуждением могут пониматься и такие действия, как причинения вреда. С нашей точки зрения, необходимо урегулировать данный вопрос и указать, что понимается под «принуждением» в ст. 120 УК РФ.

Так, рекомендуется предусмотреть в ст. 121 «Заражение венерической болезнью» УК РФ в ч. 1 следующее содержание: «...а равно совершенное вследствие несоблюдения гигиенических правил, которое заведомо для виновного ставит других лиц в опасность заражения венерической болезнью».

Аналогичным образом следует предусмотреть поощрительную норму к данной статье в виде примечания, как и в отношении виновных в совершении преступления, предусмотренного ст. 122 УК РФ. Лицо, совершившее противоправное деяние, предусмотренное ч. 1 рассматриваемой статьи, освобождается от уголовной ответственности в том случае, если другое лицо, зараженное венерической болезнью, было своевременно предупреждено о наличии у первого этой болезни и добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность такого заражения.

Рассматривая ст. 123 «Незаконное проведение искусственного прерывания беременности» УК РФ, следует отметить, что специфика незаконного производства аборта ведет к высокой степени латентности данного преступления, а отсутствие точных рекомендаций по комплексному подходу выявления криминальных абортотворцев – к возрастанию числа нераскрытых преступлений вышеназванной категории. Законодательно необходимо урегулировать производство абортотворцев путем изменения норм медицинского законодательства и создать условия, позволяющие государственным органам контролировать незаконное прерывание беременности. На наш взгляд, это будет способствовать сокращению уровня латентности преступлений.

А. О. Иванов также указывает на то, что незаконное прерывание беременности (ст. 123 УК РФ) следует отграничивать от убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ). По мнению автора, если производство незаконного аборта позволит вызвать преждевременные роды и приведет к появлению именно живорожденного ребенка, которого в последующем лишают жизни (например, не применяют меры по уходу), содеянное следует квалифицировать именно по совокупности преступлений, совершенных виновными, как незаконное производство аборта и убийство [6. С. 202].

Таким образом, при разграничении убийства матерью новорожденного ребенка от незаконного производства аборта важно отличать такие понятия как: «плод» и «новорожденный».

В нормах уголовного закона определение указанных понятий не содержится. По нашему мнению, необходимо дополнить ст. 106 и ст. 123 УК РФ примечаниями, в которых закрепить понятие «плод» и «новорожденный».

Статья 124 «Неоказание помощи больному» УК РФ может быть исследована законодателями в целях ее дальнейшего перспективного применения. Так как общественно-опасное деяние данной статьи должно выражаться только в форме бездействия, то зачастую правоприменитель в полном объеме, не исследуя объективную сторону состава преступления, квалифицирует активные действия по ненадлежащему оказанию помощи больному, повлекшие его смерть, по ч. 2 ст. 124 УК РФ.

В свою очередь, активные действия виновного, связанные с ненадлежащим оказанием медицинской помощи больному, если такие действия повлекли его смерть, подлежат квалификации по ч. 2 ст. 109 УК РФ – причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей.

В связи с вышеизложенным, приведем статистические показатели осужденных по ст. 109 УК РФ, которые значительно превышают количество осужденных лиц по ст. 124 УК РФ.

Так, например, в 2019 году к наказанию за совершение преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ, судами было приговорено 1008 виновных, из них по ч. 2 указанной статьи – 143. По ч. 2 ст. 124 УК РФ за этот же год было осуждено 5 виновных [3].

Таким образом, следует отметить, что статистические данные по ч. 2 ст. 109 УК РФ преобладают почти в 29 раз над показателями осужденных по ч. 2 ст. 124 УК РФ. Поэтому законодателю разумно реформировать уголовно-правовую норму о неказании помощи больному таким образом, чтобы она стала «рабочей».

С учетом вышеуказанной классификации «мертвых» норм гл. 16 УК РФ большинство правовых предписаний указанной главы следует отнести к подгруппе «искусственно умерщвленных» норм. Не вызывает сомнения, что они социально обусловлены, необходимы и должны реализовываться в практической деятельности правоохранительных органов. Однако в силу несовершенства содержания и правовой конструкции, высокого уровня латентности преступных действий, уголовные нормы гл. 16 УК РФ не находят широкого применения.

В соответствии с вышеизложенным, невозможно не согласиться с точкой зрения Н. Ф. Кузнецовой о том, что «социально обоснован тот закон, который эффективен, который выполняет охранительные и предупредительные задачи, а также достигает целей уголовного наказания. Неэффективен такой закон, который ввиду его конструктивных недостатков не применяется или применяется крайне редко к действительно имеющейся преступности» [7, С. 74].

Подводя итог, отметим, что отмена «неработающих» уголовно-правовых норм – это серьезный законодательный шаг, на который, как правило, сложно решиться. В целом процесс криминализации российского уголовного законодательства преобладает над процессом декриминализации. На это также указывает дополнение гл. 16 УК РФ составами, предусмотренными ст. 110.1, 110.2, 116.1, 124.1 и другими. Поэтому необходимо совершенствовать современный уголовный закон путем декриминализации либо реформирования составов, а также возможным исключением «неработающих» норм. В соответствии с представленной классификацией «мертвых» норм М. М. Бабаева и Ю. Е. Пудовочкина, следует закономерно определить пути исправления ситуации, направить основные меры на оптимизацию уголовного права. Очевидно, что «естественно-умершие нормы» должны быть исключены законодателем из содержания кодекса, «мертворожденные» нормы должны быть восстановлены и усовершенствованы к применению, «поддельно-умершие» нормы необходимо активировать для работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калинина О. М. «Мертвые» нормы главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15, № 1. С. 45–48.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 №64-ФЗ // Российская газета. 1996. № 113.
3. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции 2016 - первое полугодие 2021 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> – загл. с экрана.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников: федеральный закон от 26.07.2019 № 206-ФЗ // Российская газета. 2019. №166.
5. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. «Мертвые нормы» в Уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6. С. 4–10.
6. Иванов А. О. Отграничение незаконного производства аборта от убийства матери новорожденного ребенка // Молодые ученые. 2016. № 7. – С. 201–202.
7. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1. Учение о преступлении: учебник для вузов / Кузнецова Н. Ф., Крылова Н. Е., Тяжкова И. М. М.: Зерцало-М, 2002. 624 с.

Поступила в редакцию 23.01.2022

Гафурова Эльмира Равиловна, кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: rector@udsu.ru

E.R. Gafurova

"DEAD" NORMS OF CHAPTER 16 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-2-341-347

This article analyzes the norms of Chapter 16 of the Criminal Code of the Russian Federation, which are not applied or are used extremely rarely, based on statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, as a result of which the relevant conclusions of ineffective application or its absence are made. The specific indicators of those convicted of crimes under Chapter 16 of the Criminal Code of the Russian Federation are indicated in relation to the total number of convicts in Russia. It is noted that the process of criminalization of Russian criminal legislation prevails over the process of decriminalization, as indicated by the addition of Chapter 16 of the Criminal Code of the Russian Federation Articles 110.1, 110.2, 116.1, 124.1 and others. In accordance with which, possible ways of improving "non-working" or "dead" criminal law norms are proposed, confirmed by judicial statistics on the number of convicts for 2016 - the first half of 2021.

Keywords: criminal legislation, criminal law norms, "non-working" norms, "dead" norms, decriminalization, criminalization, life and health, crime, convicts.

Received 23.01.2022

Gafurova E.R., Candidate of Law, Associate Professor at Department of Theory and History of State and Law
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: rector@udsu.ru